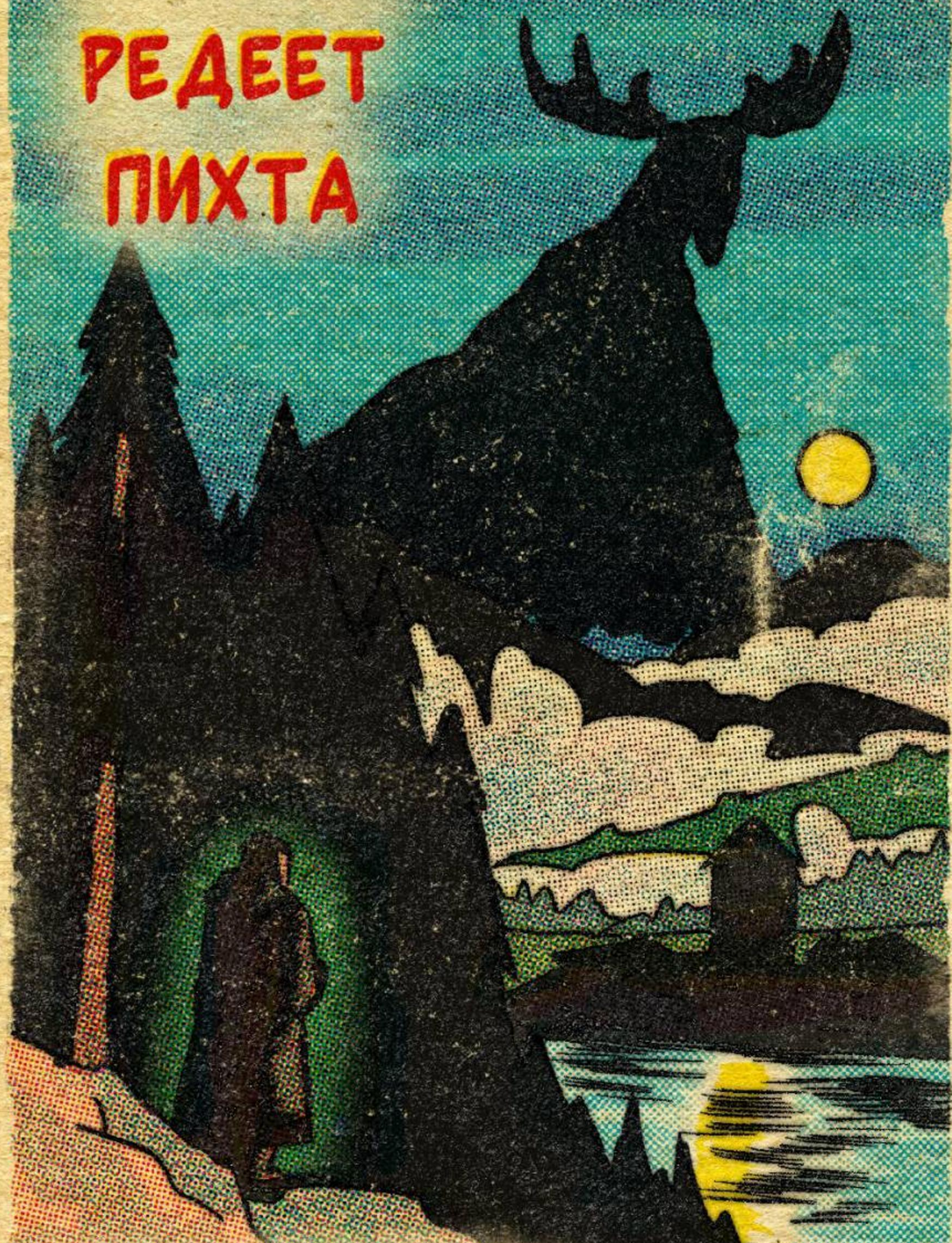

ВО МГЛЕ
РЕДЕЕТ
ПИХТА

Александра Геккатоomba

Во мгле редееп пихта

«Автор»

2026

Геккатомба А.

Во мгле редее пихта / А. Геккатомба — «Автор», 2026

«Во мгле редее пихта» — лихорадочная исповедь петербургского интеллигента, чей разум оказался во власти дремучих уральских урман. Отправляясь в глухую провинцию вместе со своим патроном Симоном Адамовичем ради банальной описи наследства, главный герой меньше всего ожидал столкнуться с первобытным, осязаемым кошмаром. Запертый один на один со своим страхом, герой пытается сохранить рассудок, фиксируя происходящее в дневнике.

© Геккатомба А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Прибытие	5
Человеколось	7
Жабы	11
Омут близ болот Увылыка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александра Геккатормба

Во мгле редет пихта

Прибытие

Пребывая в остатке горячки, которую я подхватил на туманных берегах Увылыка, я едва в силах писать. Простыня подо мной скомкалась и взмокла, а одеяло почти сползло на пол. Колкие бугры больно давят на спину, но я не хочу излишне двигаться. Жар и духота. Занавески задёрнуты, отчего мне неприятно темно, но думается, что это из-за утреннего солнца, чьи лучи пронзительно и странно серые. Такой рассвет я ещё не видал в родном городе. Та единственная полоска света, пробивающаяся сквозь толстые шторы, освещает медленный танец пылинок и пустой графин для воды у стены.

Липа всё ещё не проведала меня, хоть время и половина восьмого. Кажется, она не заходила со вчерашнего вечера, как я отправил её в бакалею за лимонами и имбирём, но помнить точно не могу из-за тревожного сна. Признаться, она как-то сторонилась меня. Я видел на её лице некоторое отвращение эти несколько дней, хоть и не впервой мучаюсь от разных недугов. За дверью моих покоев слишком тихо: ни звона посуды, ни шума воды, ни глухих шагов.

Я не могу заставить себя встать с постели, но не из-за лени, которая мне не присуща, а из-за страха, который, будто болячка, высасывает все силы. Я иногда вздрагиваю от смутных силуэтов в тёмных углах своей почивальни. Тот ужас, что я испытал в своей поездке, навсегда оставил след не только в моей памяти и рассудке, но и в физическом здоровье.

Из болотных краёв Увылыка я вернулся около недели назад и сразу же слёг с лихорадкой. Липа выхаживала меня, как и обычно, поила различными целебными чаями, обтирала тёплой водой, хоть я и противился, как ребёнок. Противился я, по большей части, из-за тошноты, подступающей к горлу каждый раз, когда речь заходит о способах лечения травами. На то была причина.

Если эти страницы попадут в чьи-то руки, они станут письменным доказательством происходящего на тех чёртовых болотах. Или станут доказательством моего сумасшествия. Но я готов поклясться на Библии, Господи, что знаю, *что* я видел.

* * *

Три с половиной недели назад я, под началом Симо́на Адамовича, по запутанному делу был направлен в посёлок Урлаг-Ваты́к, который торчал гнилым пнём близ Уральских гор. Мы высадились с поезда в шестом часу, без двадцати минут, когда солнце ещё не выползло из-за гор. Едва отошли от станции, как мой патрон закашлялся от тяжёлого, пропитанного гарью и влажностью воздуха. Полукаменная станция наполнилась толпой, вяло расходящейся, как нити паутины, в разные стороны. Мне показалось на мгновение, будто господа устали не столь от бессонной ночи в вагонах, сколько от густого и давящего неба. Извозчики уже давно приметили нас, а потому подходили один за другим, предлагая отвезти в любое место и за низкую цену, но, как и следовало ожидать, сумма оказалась бесстыдно завышенной. Однако стоило доходягам слышать про Урлаг-Ваты́к, как их лица переменились: они глянули украдкой друг на друга и тотчас разбрелись лениво. Кто-то к господам попроще, кто-то к своей упряжке, аккуратно поглаживая клячу по шее, а некоторые перешёптывались меж собой, плевали в сторону и проводили по своим губам крестом.

Мы с патроном были немало озадачены их поведением и так крепко призадумались, что не сразу заметили оставшегося ямщика. Вернее будет сказать, что он стоял поодаль от бес-

нующейся под нашими ногами кучи, как я подумал позже. Крепкий мужчина казался вконец вымученным, лицо его было бледно, как парящее озеро, а по массивным рукам, с подозрительной схематичностью, краснели свежие бляшки, как от укусов комаров или слепней. Извозчик заинтересованно спросил, правда ли мы направляемся в Урлаг-Ватык, на что почтенный господин, успев сменить гнев на милость, кратко кивнул.

Но несмотря на нашу преждевременную радость, извозчик неторопливо стёр со лба испарину, хоть на улице было изрядно зябко. Мне даже показалось, что у него озноб, судя по дрожи и тому, как он вытирает нос, противно шмыгая. Ямщик обтёр руки о поношенный тулуп и сообщил, что трогаться сейчас нельзя из-за густого тумана на узкой тропе до посёлка. Конечно, это не могло нас обрадовать или как-либо ободрить, ведь, уставшие от долгой дороги в тесном купе, мы надеялись хоть на миг вздремнуть, позабыв о плохом состоянии местных дорог. Симон Адамович повернулся ко мне и, отведя за плечо от кашлявшей деревенщины, предложил отправиться в город, пока туман не растает. Он поведал, что по нашему с ним делу есть бумажные обязанности и вне места описи. Рассудив, что при смехотворно маленьких — как выразился почтенный господин — размерах станции здешняя нотариальная контора окажется столь же тесна и душна, как и воздух, патрон решил отправиться туда один.

Я же ещё ненадолго остался у станции, рассматривая непривычные виды гор, шедшие изломанным хребтом под небом и укутанные в плотный туман. Чёрные хвойные хвосты, словно наконечники стрел, царапали купол над моей головой и давили своей близостью. Пихты казались мне дремлющими и непоколебимыми изваяниями глубоко древней тайны. Разворачивающийся пейзаж вызывал и восхищённый трепет, и содрогание. Я не мог знать, отчего проявилась дрожь, но одна только мысль о жизни близ необузданной и столь нам неподвластной природы заставляла любопытство внутри просыпаться.

На первый взгляд городок был неплохим, но таилось в нём нечто такое, отчего губы поджимались крепче, а лёгкие сдавливало куда сильнее, нежели от тяжёлой атмосферы...

* * *

Нет, я не могу. Моё тело словно прошивается насквозь, а простыня так взмокла, что мне уже становится не просто некомфортно, а противно и стыдно, несмотря на мой жар. Ох, кажется, Липа вернулась! Придётся спрятать рукописи, иначе она и вовсе перестанет смотреть мне в глаза...

Человеколось

Я совсем потерял сон. Стоит усталости взять своё – глаза закрываются, и я вижу, как из глубины тьмы выскальзывает тучная и властная фигура. Она медленно приближается, обдавая холодным и липким дуновением из всевозможных отверстий в собственном теле. Воздух свистит в её полом, как мне видится, сосуде. Язык не повернётся назвать её тем, что создал Бог. Я никогда не поддавался суевериям, но описывая это существо, я чувствую, словно нагоняю на себя беду. Вся моя рукопись кажется мне предсмертным бредом, как и моё состояние. Холодная лихорадочная испарина стала напоминать мне потец...

Но я продолжу писать в отсутствие Липы. Мне не хочется подвергать и без того перепуганную барышню лишним волнениям. Она сразу поймёт, что мои тексты не относятся к работе или к просьбе об увольнении в отпуск в связи с недугом для Симона Адамовича, ведь, я уверен, ужас от последующих строк искажает моё лицо. Иногда я слышу, как она плачет в соседней комнате, — оттого мне более совестно, но, думаю, она не оставит меня.

* * *

Я простоял на перроне с четверть часа, пока не почувствовал, что промёрз до самых костей. Туманы и холод — не редкость и в Петербурге, но на Урале всё ощущается совсем по-другому. Тайга будто дышит на меня из глубин своего чрева чем-то зловещим. Я укутался плотнее в пардессю, притираясь щекой к воротнику. Неподалёку всё ещё слышно, как захлебывается кашлем наш кучер, что навело меня на мысль: заразно ли это? Мужчина вдруг скрючился, когда я посмотрел в его сторону, он держался за горло, опираясь второй рукой, полной красных отметин, о резной столб. С его сухих, обветренных губ срывалась серая мокрота, похожая на икру лягушки.

Я невольно растёр собственную шею и оцепенел. Господи, этот доходяга вот-вот выплюнет свои лёгкие! Или то, что от них могло остаться внутри его холодного тела, — ведь видит Бог, он оттянул воротник рубахи, и мой взгляд выцепил из слоёв одежды ужасно бледную кожу, а его грудь! Грудь была рыхлой, как перегой в лесу, чёрной!

Ямщик начал рыться в кармане тулупа и что-то вытянул оттуда небрежно. В пасмурном свете только-только восходящего солнца я разглядел небольшой пузырь из синего стекла; бутылка была вся в сколах и плохо стёртых пятнах грязи. Откупорив пузырь, извозчик залил в себя содержимое, судорожно вытер подбородок, склонился почти к земле и вдруг посмотрел на меня. Его взгляд... Белки его глаз залились бордово-алым цветом, а зрачки стали настолько маленькими, что казалось, будто их вообще нет! Этот взгляд вытесался в моём разуме.

Внутри всё колотилось и дребезжало. Ноги сами повели меня чёрт знает куда, а я только и мог, что вновь и вновь переживать в мыслях это зрелище. Я знал, что патрон не поверит моим словам, — я и сам бы не поверил. Господин пресёк бы на корню этот «кошмарный» бред, подбирая бы различные варианты, якобы я слишком устал и мне привиделось, или мало ли чем могут болеть люди, глотающие болотную тину, или же бедняге просто не повезло с родимым пятном. Признаться, только так я смог себя успокоить.

Я забрёл в переулок, отдалённый от исхоженных улиц. Даже живущие в этом околотке люди скажут, что место то дурное. Здание, одиноко стоящее посреди домов, сложено из камня, поросшего то ли мхом, то ли разновидностью плюща, что не редкость в тех сырых краях. С низкой крыши кривым серпантинном свисали голые ветви дерева, которое, словно под тяжестью стоявшего воздуха, навалилось прямиком на дом. Дверь была плотной, дубовой, но с двумя безобразными липкими пятнами, будто дети закидали её шариками грязи. Лишь зайдя внутрь,

я обратил внимание на то, что окон не было вовсе. Мрак местами отступал из-за керосиновых ламп, расставленных где придётся — на полках, комодах и узких столиках. В комнате стоял удушливый, приторно-сладкий запах плотно сбитых друг ко другу книг, но сквозь эту завесу явственно пробивался тяжёлый смрад болотной травы. Исходя из моих познаний, я мог предположить, что вешали её от злых духов. Над прилавком висела челюсть щуки, улыбающаяся мне хищно. Сидящий в полутьме хозяин лавки, которого я разглядел далеко не сразу из-за непривыкших ко тьме глаз, — сгорбленный старик с длинной бородой и редкими седыми волосами — встретил меня весьма радушно. Он поинтересовался, какую книгу я ищу, а я ответил, что заглянул из чистого любопытства. Это может показаться очень наивным, но любопытство нередко заводило меня в самые необыкновенные места многих городов. Сейчас же я ругаю себя за это.

Я заметил, что лавка слишком тесна для большого разнообразия книг, поэтому спросил у хозяина, не коллекционирует ли он редкие рукописи или издания. Тот озорно забегал слеповатыми глазками, почти скрытыми под нависшими веками, улыбнулся мне криво и ахнул. Дальше я попробую примерно записать его слова, хоть они и обрывками всплывают в моем разгорячённом сознании, а уральский говор мне не сильно запомнился даже за столь, как могло показаться, долгое пребывание в тех местах.

«Любопытство, да? Да. Чего не знаешь, туда и тянет. Моя лавка хранит очень много книг и рукописей, почтенный господин. Долгие годы я собирал их, выменивая за бесценок у людей, которые значения их не понимали. Разные, разные письма да журналы. Ох, шибко долго я выменивал вон ту книжечку в красном переплёте, — он указал мне на шкаф, стоящий в самом далёком углу его тёмного пристанища. — Выцыганил у парнишки-то университетского, малость пришибленного на «странностях». Паренёк-от бледной был, уставший. В его глазах даже я, старик, узрел глубокий страх или, скорее сказать, ужас! Хоть он и попросил меня о многом в обмен, будто не хотел с ней прощаться, но, когда книга легла в мои руки, я увидел на его лице облегчение и радость. Написанное на страницах одним покажется детскими сказками, а другим — пугающими кошмарами, но, уверяю вас, то ведь что-то вроде дневников всяких пришиханных страничек. Не знаю почему, но мне и смелости не хватает прочесть полностью то, что в ней описано. Я лишь слабо проглядывал абзацы да частые пометки на полях и между строк».

Я сразу же всмотрелся в далёкий угол, где книга выделялась среди остальных обычных изданий — насколько это можно было назвать обычным, учитывая злое вид лавки — ярким, даже несмотря на свою поношенность, пятном алого переплёта.

Слова старика меня заинтриговали, но не сказать, что я поверил в его рассказы. Я глубоко уважаю фольклор далёких и глухих мест, но не покупаю вещи только из праздного и зудящего интереса. Лавочник виделся мне вороватым торговцем, что пытается связать концы с концами и сбыть дешёвую книжку втридорога. Я спросил, какого же рода были пометки на страницах, которые упомянул старик, а он только вновь огляделся, почесал морщинистой рукой с отросшими, поломанными ногтями редкую макушку и навалился грудью на прилавок между нами.

Лишь теперь, когда лампа мягко осветила сгорбленный силуэт, я разглядел его получше: обветренное острое лицо, которое более напоминало обтянутый кожей голый череп, было усыпано отметинами грязно-зелёного цвета. Некоторые из этих отметин вздулись, отливая желтизной, будто они высосали из своего хозяина все соки. Далее мой взгляд упал на руки, когда хозяин упёрся ладонями в деревянный прилавок. Свет лампы озарял кожу, стало видно, что и кисти его полны этих мерзких вздутых пузырей, напоминавших скорее волдыри.

Мне сразу же вспомнился ящик у перрона. Что происходит в этом городе? Может, это врождённая болезнь? Аномалия? Эпидемия? Вряд ли это нечто единичное, ведь ни в купе, ни на станции подобных обезображенных персон не встречалось...

Тон старика изменился, хриплый голос, казалось, засел в его глотке. Или, как мне тогда показалось, принадлежал он вовсе не ему, а чему-то из глубин его иссохшего тела.

*«Веришь – не веришь, пришлый, но, когда опустился туман на урманы, настолько сильный, что света фонарей не видать; когда взошла луна, едва пробивая тяжёлую чёрную завесу облаков, вдруг стало тихо... не просто умолк ветер, а наступила мёртвая тишь. Я отвлёкся от этой книжки, а за дверей вдруг раздались шлепки. Словно кто-то топтался мокрыми босыми ступнями на пороге. Сначала тихо, скромно, а после всё громче и громче! Народец-то здесь суеверный, не стал бы кто-либо так шутить! Нет, не стал бы! Опасное это дело-то! Над чёртом пошутишь, и сам с чёртом будешь! Чего ты так смотришь? Вы, иногородние, пришлые, вам лишь бы всё в небылицы обрядить! А здесь люди живут этим, верят! Я глянул-то на порог под дверей, откуда слабо проникал хоть какой-то свет, и понял, что там и правда кто-то стоит, но было что-то очень странное в этом... **существо!** Оно не двигалось, но сопело так, как хлюпают пузыри газов на поверхности болота! Я с перепугу-то и захлопнул книжку, а **оно** вдруг возьми да начни колотить в притвор! Божусь, думал – выломает к чертям собачьим!»*

Старик замер, выпучив глаза на меня; его морщинистое лицо покрылось потом. Больше он ничего не сказал, видимо, настолько погрузившись в воспоминания, что едва ли мог шевелить языком. Я же, вняв его ужасу, и сам замолк. Но любопытство взяло верх, и я спросил, как же всё кончилось.

*«Кончилось-то? Я схватил этот костяной амулет, – хозяин вытянул из кафтана дрожащей рукой фигурку некоего существа и, крепко сжав, ткнул мне почти в лицо, – прижал к груди-то как следует и от прилавка к дверей пошёл. Тварь-от сразу поутихла! Заскулила, зарычала по-волчьи! Я, как рассудка лишённый, молвил: **«Ен-творец, мира отец, пришли сына мне, утопчи лихо во мгле! Явись, лось великой! Освети тварь своим ликом!»** И повторял до тех пор, покамест гниль-от болотная не вернулась туда, откуда пришла! В книжке-от описано что-то эдакое, что нужно этим бесам таёжным! То-то студентик университетской и рад был избавиться! Дурак я, дурак старый! Сам на себя беду накликал! Ну ничего, ничего! Человеколось не подпустит больше погань к порожку. Надобно насобирать до захода солнца чертополоха!»*

Тут я уже не выдержал и, перебив его, сам захотел узнать, что за записи такие, от которых ранее хитрый лавочник стал столь боязливым. А тот лишь продолжал твердить про человеколось, не замечая меня. Он, прихрамывая, выскочил в середину комнаты, сжимая этот амулет. Мне показалось, что фигурка треснет от его – удивительной для пожилого человека – силы. Лавочник в своём испуге выпустил фигурку из побелевших пальцев, оставив качаться на шее, и, лишь когда он замирал у одной из полок, я смог детальнее разглядеть кость. Аккуратно выточенная и гладкая, с потёртостями от долгой службы; у основания она была усеяна отверстиями, будто от иголок или паразитов. Голова принадлежала лосю, а вместо рук у получеловека были крылья птицы. Вид оберега наполнял мою душу странным спокойствием, будто я заразился этим липким страхом от старика. Я подумал, что чересчур глубоко проникся здешней атмосферой, потому без прощания покинул жуткую лавку, оставляя свихнувшегося уральца наедине с самим собой.

Мои внутренние потрясения от столь подробного рассказа лишали меня здравого ума, и я, по немыслимой причине, осмотрел лавку вновь. Теперь же она не выглядела столь невозмутимой и неприступной, наоборот, показалось, что она как-то накренилась вбок, сжалась и треснула вдоль крепко сложенных камней.

* * *

Я, плотно подбивая к шее воротник, решил вернуться к перрону, ведь не мог точно знать, когда расступится туман. Дорогу я не запомнил, оттого подошёл к женщине с девочкой лет шести и спросил, как пройти до станции. Мать выдохнула тяжело и, крепче сжимая ручонку, посмотрела на дочь. Девочка сразу широко улыбнулась мне, в её больших глазах заплясали искорки.

«Дядя! Мама-то не говорит! Станция-то во-о-он там! Да-да, тама, тама! А вы, дядя, только вот из лавочки вышли, да? Плохо, очень плохо! Вчераь туда стучала беда! Домик теперь болеет! Ну, точнее, он совсем-совсем скоро заболает! Ко-ли куль в по-рог сту-чит, то-ли са-ван бу-дет чист!»

Малышка вдруг утихла и спряталась за юбкой матушки; уверен, что её напугало то, насколько сильно моё лицо исказилось от немого ужаса. Я лишь сухо поблагодарил, кивнул женщине и направился в сторону, которую мне указали. Мысли роились в моей голове и жужжали, как пчёлы. Я знал, что глухие окраины полны странных сказов и обычаев, но никак я не был готов к подобному проявлению слепой веры. Однако этот образ человеколось вновь наполнил меня сладким умиротворением, поэтому я, несмотря на привычный скептицизм, сколотил в мыслях свой оберег. Всё же есть в человеке, даже глубоко неверующем, желание оставаться под защитой чего-то неведомого и необъяснимого.

Убаюкав свой страх, я наполнил грудь горьким запахом сухоцветов, что висели на рамах окон жилых домов и лавок. Ранее я этого не подмечал, но теперь все странности городка легли на мои плечи тяжёлым камнем. Вдали я подметил смутный силуэт моего патрона, стоящего возле повозки.

Жабы

В моих глазах стояла пелена, даже когда мы с патроном въехали в таёжную гушу. Не помню, как я помог увязать кладь в долгушу. Всё ещё пытаюсь принять некоего рода безумие, что произошло в лавке. И представить себе не мог, что меня способна так запугать маленькая девочка, но её считалочка и немая мать подвели мой воспалённый от рассказней старика разум к краю. Извозчик не предложил нам помощи по причине своего слабого здоровья, что не вызывало сомнений, ведь я видел, как он кашлял, но почтенный господин был на вид доволен, хоть ничего и не сказал.

Наш экипаж медлительно перебирался по ухабистой просеке меж сосен и пихт, кроны коих скрывали солнечный свет. Выколоченный в голове амулет человеколюсы, прежде приносивший разгорячённой фантазии хладный покой, небрежно обрастал склизкими, уродливыми нитями чего-то живого. Я попытался отвлечься, любясь красотой леса. Туман окутывал стволы и пни деревьев, стоял плотным полотном, скрывая далёкий пейзаж. До чего же густа была эта мгла, что ямщик отказался везти нас ранним утром? Видится мне, что мгла белым оползнем сначала прятала выступающие корни деревьев, затем поднималась по стволам, доставая до нижних ветвей, а далее разглядеть ничего не представлялось возможным. Бельмо.

Пошёл дождь.

Патрон, как только мы поднялись на долгушу, начал рассказывать, что в конторе творится полный беспорядок, что не удивительно для дальних окраин. Тесная — как он и предполагал — контора с долгой очередью, но, благо, патрона знали как сведущего в тонкостях нашего дела, потому с нотариусом он встретился без труда. Как оказалось, почивший хозяин держал у себя не только скотину в несколько десятков голов, но и горных рабочих, отчего оценить его состояние оказалось куда сложнее. Помимо долговых обязательств как самого хозяина, так и поселенцев перед ним, имелась и коллекция различных редкостей. Утрата некоторых бумаг была связана со скорой сменой нотариуса из-за взяточничества, но документов настолько много, что и один человек, будь он правильным и аккуратным, не способен в них разобраться. Ко всему прочему, стояла толпа, почти не двигавшаяся с места. Патрон описал их как «смердящие мазутом и рыбой, больные калеки». Но было и такое, что делало дело гораздо интереснее: у покойного имелся сын, которого отец выписал из завещания аккурат перед пропажей оногo. С полгода ни слуху, ни духу, а как только папаша отошёл — он объявился. Когда я спросил, почему сын скрывался, мой патрон усмехнулся и сказал, что нотариус не может, мол, такими деталями делиться — дело семейное. Я встрепенулся. Дело ведь уже и не семейное, а государственное!

Ещё с час мы обсуждали бумаги и тонкости предстоящей в Урлаг-Ватыке работы. Пожалуй, это помогло мне хорошенько очистить разум, хоть изредка я и вспоминал об обереге, которого у меня никогда и не было. Мне почему-то захотелось ощупать выструганную кость и сжать её в кармане.

Симон Адамович накинул плед на свои колени и растирал руки настолько вальяжно, насколько ему удавалось создать впечатление высокого и важного человека. Таковым он и являлся, но не перед лицом уставшего кучера. Я последовал его примеру и, пожалуй, единственное, почему господин не спросил о моей дрожи, — это холод.

Кучер изредка прокашливался и, когда казалось, что он снова начнёт плевать пенистой мокротой, тут же вытягивал из кармана бутыл, шипел и приходил в норму. После он начинал стучать себе в грудь, и мне казалось, что вот-вот он пробьёт мягкую стенку расслоившихся костей под дырявой кожей, и станет шарить пальцами внутри. От столь ярких представлений мне сделалось тошно, вязкая слюна встала в моём горле, тогда я отвернул голову в сторону уползающей от нас дороги и глубоко выдохнул.

Чистый лес неспешно сменялся болотистыми заводьями, над поверхностью которых беспорядочно кружили насекомые. Их жужжание смешивалось с хором жаб, чьи глаза блестели в дымчатой тьме чащи. Приятная и освежающая от слабого дождя хвоя осталась позади. Тяжёлые капли барабанной дробью стучали по беспокойной глади стоящей воды, и от этого казалось, что болото злостно выдыхает смердящую серу.

Патрон прикрылся чистым белым платком, взглянув в сторону ямщика, который даже не шелохнулся. И ничего удивительного! Коли каждый божий день работать в хлеву, то привыкнешь и к изьянам. Однако Симон Адамович вдруг покраснел и напыжился. Он чересчур нетерпеливо спросил, долго ли пробираться через болота, на что извозчик сипло усмехнулся и подтвердил, что здесь подобное — дело привычное, а ехать ещё с час или два. Такая беспечность только распалила господина, и он начал задавать вопросы о самом Урлаг-Ватыке и припомнил, что остальные ямщики по какой-то причине разбежались при упоминании посёлка.

«А-а-а, те, что ль? На перроне-то? Дак они боятся. Да, боятся. Слухи всяковые пускают про Урлаг-Ватык и сами верят. Крепкие на слух слухи. Мол, чудище в болотах селится разное, ваты́жцы псовы головы глиной обмазывают да в болото-от и кидают. Откуда ж им знать это, коли ни разу не ступали дальше станции? Господ почём зря пугают, крестят губы! Неблагодарные они, нет! А у нас, ежели вам интересно, обереги делают для них из кости лося! Вот вам и «пожалуйста»! Ох туго-то будет скоро им, очень туго».

От этих слов, Господи, у меня всё внутри скрутилось. Я, едва усидев на месте, вцепился пальцами в пустой карман пардессю и крепко впился взглядом в затылок ямщика. Не сдержавшись, я спросил громко, кто же такой человеколось?

«Чегось гришь? Человеколось? Это она. Дева с цветущей грудью, крыльями птицы и головой звериной. Защищает, носит солнце. И где ж ты, пришлый, услышал о ней? Вычитал, что ль, где? Али кто хороший подсказал? Человеколось знает каждый ребёнок, но сколько приезжих я ни извозил, мало кто спрашивал о ней. Она — дочь Ена, творца мира нашего. Вернее, одна из дочерей, ведь... Тихо-тихо, стой!»

Ямщик натянул поводья, а лошадь заржала, запыхтела и остановилась, чуть не встав на дыбы. Я едва удержался на месте от такого толчка, а патрон, поправляя наехавший на глаза котелок, стал ругаться. Уралец соскочил с долгуши и прошёл дальше к кляче, плюя куда-то в сторону. Мы с Симоном Адамовичем переглянулись и из любопытства медленно привстали, дабы разглядеть, что стало причиной резкой остановки.

Туман обволакивал тёмный силуэт извозчика, когда он глубоко увяз в размытой дождём дороге. Почтенный господин нетерпеливо спросил, в чём дело, а кучер молча повернулся к нам лицом и решительно стал отводить повозку назад. Только тогда я заметил, что жабы возгласы стихли, хоть впереди ещё виднелись болота. Разглядеть, что именно крылось впереди, не представлялось возможным. Долгуша неторопливо, но достаточно нервно из-за тихого бубнежа кучера, попятилась за поворот. Стоянка.

Я трясся, как осиновый лист и сжимал кулак в кармане всё сильнее. В лесном тумане на меня смотрела сама тайга своими извечно глубокими и голодными очами. Она звала меня, я слышал! Клянусь, что слышал! Звала своим материнским и тёплым голосом, но слышался в её голосе хриплый гортанный рёв зверя. Зверя, что утопал в болотной топи; зверя, что терялся во мгле.

Во мгле редет пихта.

Омут близ болот Увылыка

Очнувшись от этого странного и пугающего для меня самого приступа морока, вызванного излишне разыгравшимся воображением и едким запахом торфяных топей, я открыл глаза. Перепуганный патрон и не слишком удивлённый извозчик помогли мне прийти в чувство, а после усадили поудобнее в долгушу. Ямщик успокоил Симона Адамовича тем, что, мол, не редкость в этих местах на пустой желудок терять сознание, но, я думаю, Почтенного Господина больше волновал мой обморочный лепет. Позднее патрон поведал мне, что я безостановочно, широко раскрыв глаза, мямлил нечто о тайге и болотных девах...

Состояние моё нельзя назвать хорошим или плохим, но точно скажу, что было оно пограничным. Грань эта ещё некоторое время разбивала меня надвое. Зрение моё стало расплывчатым и двоящимся, но, как бы то ни было, я понял, что пред нами так же безмятежно расстились уральские урманы, шурша хвоей в усилившемся ветре, который яростнее гнал свинцовые тучи по едва видневшемуся небу.

Взгляд мой зацепился за ямщика, и я, может быть, излишне ошарашенный, как я мог судить по его лицу, схватил за грязный рукав рубахи. Я дрожащим голосом спросил, что же было впереди дороги, когда кучер попятил долгушу за поворот, а тот лишь ответил, что волноваться было не о чем, ведь в густом лесу полно зверья различного, и ему не хотелось рисковать нашей повозкой, лишь бы поскорее выехать из болот. Его слова не могли меня успокоить, ведь я был уверен, что выход из согры, которая, как мне кажется, стояла извечными вратами на пути к Урлаг-Ватыку, охраняло некое существо, терпение которого не стоило испытывать.

Я невольно представил себе картину чистого ужаса: извозчик, отогнав страх, решился пройти по топи впервые. Виделось, как он, справляясь с холодом, неожиданно тянет поводья, а кляча встаёт на дыбы, ржёт и пытается выбиться от прямой угрозы во тьме пути. Кучер же неугомонно хлещет кобылу, и та начинает пятиться назад, вбок, вскидывать морду ввысь... Мгла расступается перед обезображенными руками исполинского чудища, которое и духу не хватит описать в подробностях.

В своих раздумьях я невольно спросил, не находили ли на этой дороге одинокие, оставленные повозки. А этот драгаль лишь усмехнулся криво и ушёл от ответа, мол, я спрашиваю много вещей, не подходящих под чин городского служащего. Патрон опешил от такого дерзкого, но весьма справедливого замечания, а потому более настойчиво поинтересовался уже сам. Уралец отрицательно качнул головой и вернулся в экипаж, предположив, что зверь вернулся в лес.

Когда мы тронулись, я оглянулся к месту, где ранее мы принуждены были остановиться. На илистой тропе я смог смутно разглядеть несколько туш мёртвых жаб. Выглядели они так, будто *нечто* их выпотрошило, оставив одну лишь шкурку. От этого зрелища я схватился за край повозки, сдерживая ком у горла, и пытался вспомнить хотя бы одно известное мне животное, способное так обойтись со своей добычей, может, из семейства кошачьих, вроде рыси? Навряд ли. После всего, что я видел и слышал за это время, передо мною вставало тяжёлое и животрепещущее идолище, прячущееся меж рядов кривых деревьев. И, клянусь Богом, так мне и чувствовалось.

Симон Адамович подался ближе к извозчику, ведь неутихающий ливень перебивал его речь, и поинтересовался, есть ли в Урлаг-Ватыке гостиницы, а мне — хоть это было и неприлично вмешиваться вперёд патрона, — хватило страху спросить, какая история у этого Богом забытого посёлка.

«Почтенные господа, вы не переживайте слишком о месте отдыха! Хоть Урлаг-Ватык и стоит на глухих калтусах Увылыка, есть в нём некая чарующая сила. Старожилы говорят, что место-от имеет даже лечебную силу! Ну, ну! Вы, господа, можете улыбаться сколько

хочите! Но и я был таковым, когда решил перебраться подальше от шумных городов. Сам не верил во все эти басни местных. То, видите ли, травы Увылыка лечат смертельную хворь, то в водице какая-то тварь поселится! А прожив с несколько лет бок о бок с ними, понимаешь, что они-то верят во всё это, уважают и почитают! А что до истории... я не хочу выпрашивать её у ватыжцев. Кто спрашивает много – тому много и врут! Народец-то безобидный, но пришлых не принимает, особняком держатся! Знаю только, что «Ватык» от чужого языка происходит-то, мансийского что ли?»

Мгла не отступала даже после того, как мы выехали из болотистых урман, она будто бы стала только гуще. Сосны, расступающиеся в белой завесе, странно искажались, росли криво, необъяснимо изогнуто; какие-то были абсолютно лишены игл на своих чёрных ветвях, а иные, наоборот, раскинулись вширь. Корни же, будто боясь того, что могло таиться в глубинах земли, вычерчивались дугами над почвой, которая шла рядами бугров. И мне даже казалось, что холмики эти вздымались и медленно двигались вслед за нами.

Вдали обрисовывался вырванный из тумана образ поклонного креста, почерневшего от долгих ливней, а за ним деревянные крыши покосившихся домов. Едва заметный запах рыбы смешивался с вонищей тухлых вод, от которых Симон Адамович сильнее ткнул платок в своё лицо. Метрах в пяти далее извозчик осадил лошадь; расплатившись, мы ступили в густую и мягкую грязь. Меня не покидало чувство одиночества среди этих гор и топей, словно остаёшься наедине со своими страхами. Жилища были выстроены по окружности, и мне подумалось, что я и сам стал частью этой клетки – настолько тесно они лепились друг ко другу.

Пока мой патрон улаживал некоторые вопросы, на которые – признаюсь честно – я не особо обращал внимания, из смутной дали вычерчивалась фигура чёрного, как сажа, пса. Тварь подошла ближе к нам и завияля хвостом, слишком праздно приветствуя нас в подобном месте. Кажется ведь, что и животные должны в таких закоулках лаять и бросаться на приезжих гостей, но позже оказалось, что хозяином его и был извозчик. Я случайно подметил, что и во внешности собаки были странности: хвост наполовину лысый, шерсть клочьями топорщилась на шее, а по бокам рос какой-то мох или другая живность, достающая почти до лап. Симон Адамович пытался отогнать псину, а та скалилась на него, супилась, рычала. Из пасти вязко тянулась слюна, пузырилась икрою, коею ранее плевался драгаль. Я вслух предположил, что тварь хвораёт чем-то, а наш проводник поспешил успокоить нас, что местный колодец несколько *заражён* от рудников. То не вызывало удивления или тяжёлого вздоха, мы с господином догадывались о подобных проблемах, но ничего не ответили.

Урлаг-Ватык был несколько ужаснее, чем нам описывал возница. Безлюдные улицы, безмятежье – или скорее затишье, – только вдали, над верхушками бесчисленных буревалов, слышна приближающаяся гроза, что извергала из уст стальных туч яркие серпантины молний. В моей груди прозвенел отклик. Величественная природа, создав глиняные многовековые изваяния, множество столетий насылала мор на эти гнёзда, а они все стоят и стоят...

* * *

Дописывая данные страницы, я понимаю, что слишком увлекаюсь природой Урала и странностям тех мест. Но осознаю, что без этих деталей у людей возникнет мысль, что я просто сошёл с ума! Боже праведный, нет, я не больной. Я множество раз убедился в собственной трезвости ума, и только Бог мне свидетель и судья!

«Ватык» означает «осколок» или «разбитый», но то место было вовсе не осколком тайги, не осколком Урала. Оно было *омутом*.

Омутом близ болот Увылыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.